

Тамара АСТАПЕНКОВА

В 1967 году Белохвостикова и Еременко поступили во ВГИК, на один и тот же курс, в мастерскую к Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой. В то время Наташа уже снялась в «Сердце матери», сдавала школьные экзамены экстерном. А Коля... Он был просто сыном. Еременко-старший удачно сыграл у Герасимова в картине «Люди и звери», а младшему по этому поводу приписывали лохматую лапу при поступлении.

— Вы знаете, смотря что называть блатом. Действительно, за несколько лет до нашего поступления в институт его отец, Николай Еременко-старший, снялся в картине у Герасимова. Сыграл потрясающе. После чего стал по-настоящему известен и популярен. Когда к Сергею Аполлинарьевичу пришел сын Еременко, то, естественно, к нему, с одной стороны, был какой-то особый интерес. С другой — жажда сравнивать. Но это не только Колина судьба. Такое случается со всеми актерскими детьми. Хотя, я думаю, это несправедливо изначально. Мы дети своих родителей — но мы совершенно другие... Другое дело, что все ждали, будет ли Коля актером такой же высокой планки, как его отец. И он был психологически готов к такому прессингу.

— А в чем заключался прессинг?

— Повышенное внимание... Коля

Наталия БЕЛОХВОСТИКОВА: «Он всегда торопился жить»

работал больше, чем мы. Ночами оставался в институте, у него никогда не было выходных. Он играл в оперетте — пел и танцевал. Играл все, что было возможно. Сергей Аполлинарьевич нам всегда говорил: «Играйте все, кроме порнографии и контрреволюции». Коля все и играл. Он старался каждым днем своего существования доказать, что имеет право носить фамилию Еременко.

— Николай Николаевич не раз говорил о себе, что рос хулиганом. Его дворовое детство как-то сказывалось на поведении в институте?

— Вы знаете, актеры всегда дети. И все немножечко хулиганы, иначе они не были бы актерами.

— Николай Николаевич приехал в Москву из Витебска. У него никогда не было комплекса провинциала?

— Думаю, что нет. Его семья... Как бы вам сказать... Он пришел из мира искусства. Он был как бы пророль своих родителей. Сегодня, по-моему, эта черта отсутствует. Да и в наше время она была редкой. Не так часто дети гордятся своими родителями. Мы же в юности хотим отстраниться и сказать: «Пришел Я!» А Коля, когда рассказывал о своей матери, отце, весь светился любовью. Он чувство-

вал эти корни, пророс той жизнью. Еременко знал, откуда он. Поэтому... нет-нет. У него была сила, мощь своей семьи, которая привела его в герасимовскую мастерскую. Ведь Коле было лет двенадцать, когда отец сыграл в картине «Люди и звери». Поэтому он органично вошел в эту совершенно другую для него жизнь.

— Ваша первая совместная работа в кино была в герасимовском «У озера»...

— По традиции у Сергея Аполлинарьевича снимался или работал на картине весь курс. Когда он прочитал сценарий, то сказал, что мальчика Алешу будет играть только Коля Еременко. То есть Коля не проходил никаких проб, ничего. Великий Герасимов написал для него роль. И с этой ролью он вошел в мир кино.

— Николай Николаевич вспоминал, что во время работы над этим фильмом они с ребятами сильно выпивали и в результате провалили экзамены.

— Я не знаю. Когда 45 дней «Озеро» снимали на Байкале, то из этих 45 дней у меня выдался только один выходной. У меня была огромная роль (картина идет три часа, и нет ни одного кадра без моей героини Лены). Поэтому, что делали ребята в свободное от работы

«У озера» стало путевкой в большое кино для Николая Еременко и Наталии Белохвостиковой.

время, я не видела. А то что экзамены... Ну, а кто их не проваливал? Тем более в таком вузе, как наш. Когда студенты до глубокой ночи репетируют, потом засыпают в каком-нибудь уголке мастерской, и утром все заново. В этом есть какое-то чудо... Одержимость людей, которые занимают этой безумной актерской профессией. Поэтому было бы неправильно, даже ужасно, если бы все всё сдавали вовремя, и были бы такими уж послушными и правильными. В этом есть азарт какой-то... Ничего страшного. Они занимались делом.

— Вы говорили, что Николай Николаевич любил работать больше остальных. Он так же вел себя и на картине «У озера»?

— Вы знаете, мы все ходили как под гипнозом. Мы понимали, что роль в картине Герасимова — это путевка в мир. После его картин люди начинали активно работать и жить. Поэтому для нас не было другого выбора — либо выиграть, либо проиграть. Для меня, например, я думаю, и для Коли тоже, репетиции продолжались и в Москве, и в экспедиции, и в выходные, и во время съемки, и после съемки. Все как бы находилось в магнетизме этой картины. И для всех это было главным. Все было подчинено только этому.

— После «Озера» вы встретились только в картине «Красное и черное»?

— В кино — да. А так у нас был еще дипломный спектакль «Красное и черное». Мы сразу после «Озера» начали с ним репетировать. Я защищалась этой ролью, а Коля — «Властью тьмы» и еще чем-то. И только через год начались съемки.

— За этот период Еременко изменился?

— Вы знаете... Нет. Мы были учениками одного учителя. С самых первых дней существования в институте мы говорили на одном языке. Нас воспитали такими Герасимов. И нам было легко, хорошо и удобно вместе. Так было «У озера». Так же продолжалось и в «Красном и черном». С полуслова понимали друг друга. Мы много вместе работали, играли в институте. Я и Коля вместе с Сергеем Аполлинарьевичем провели недели в бесконечных беседах. Герасимов потрясающе знал женскую душу и настолько все могло тонко рассказать, что мы сидели, зажав дыхание, и слушали. Мы напивались его знаниями, его мудростью.

— Ваш курс называли «курсом Наташ»?

— Да. У нас учились четыре Ната-